

Юрий Михайлик

И творчество, и чудотворство

1.

Пожалуй, это было больше чем шестьдесят лет назад.

Читали стихи в литературной студии при Союзе писателей. Сборище сочинителей в том возрасте, когда весь мир рифмуется, и когда кажется, что именно твоих рифм этот мир и ждет. Нечто подобное читал и я. Потом, когда разошлись, подошел невысокий человек чуть постарше и сказал, что хочет познакомиться.

Евгений Голубовский – он уже был легендой Одессы. Легендой, объектом газетных статей, слухов, сплетен, рассказов и споров.

В начале шестидесятых несколько студентов политехнического института организовали в студклубе вечер, посвященный живописи импрессионистов. Один из них, Женя Голубовский, прочел доклад о художественном направлении, к тому времени ставшем уже классикой французского модерна.

Затем разразилась буря.

Мы жили в закрытой стране. От прочего мира нас отделял железный занавес. Прочий мир считался враждебным.

Враждебными были прически, фасон штанов, конечно же – книги и картины. Мы жили в холодной стране. Холодильники были только у привилегированных лиц. Наши пельмени висели в сеточке-авоське за окном... После смерти вождя вдруг стало по-немногу теплеть...

Да. Это было в начале оттепели. Это ее дыхание почувствовали политехники. В москвах и ленинградах уже выставлялись Моне и Мане, Сэра и Марке, уже попадали в Одессу польские журналы с репродукциями, и эту – новую – температуру воздуха принесли организаторы вечера в битком набитый зал политеха.

Импрессионизм. Неведомая нам классика мирового искусства.

В шишкинском лесу, в окружении трех богатырей это была безусловная крамола.

Одесса существовала в ранге города провинциального, где все указания «держат и не пущать» выполнялись дотошно и тщательно. Одесские партийные и прочие власти были, как и положено, крутыми и невежественными ровно настолько, чтобы ими оставались довольны тогдашние власти киевские.

Для местных властей все было опасным – и сам по себе студенческий диспут, и модернистская живопись, да еще иностранная, западная... Подумать только: в политехе – и про живопись... Держать так держать, не пущать так не пущать.

И уж вовсе раздувались ноздри на само название – импрессионизм. В Одессе? Вторую половину слова они знали, плюс работала в воспаленном сознании национальная принадлежность организаторов и докладчика...

В общем – громовые разоблачительные статьи, и быстро созрело привычное решение: исключить, из комсомола – раз, из института – два, а про три и четыре разберутся, где положено...

Я не знаю, кто советовал, но совет был умным и своевременным – здесь вам, ребята, никто не осмелится помочь. Собирайтесь.

Они поехали в Москву. К Эренбургу. Илья Эренбург привел их к главному редактору журнала «Юность» Борису Полевому. Потаенные московские извилистые ходы, но через несколько мутных дней случилось чудо – слово «импрессионизм» в Одессе опять произнеслось слитно, какие-то выговоры для сохранности начальственных авторитетов студентам все же объявили, но уже ни про исключения, ни про три-четыре речь не шла,

они сравнительно спокойно закончили учебу и отправились работать инженерами... Не к месту оказалась провинциальная бдительность и жестокость, не по времени. А потом уже значительно потеплело и в провинциальном воздухе, и одесские газетчики, авторы разоблачительных статей, смущенно жали руки Жене Голубовскому и его товарищам по «импрес-сионизму»: ну, вы же понимаете...

Итак, подошел познакомиться Евгений Голубовский. К молодому стихотворцу – я помню, какую звонкую, романтическую, книжно рожденную чушь я писал и читал тогда. Что-то ему в этом примерещилось.

Шестьдесят лет Женя Голубовский подходил знакомиться к любому человеку, в котором видел хоть малую возможность возникновения и проявления творчества.

Потом были годы, в которых мы общались, дружили, вместе работали в отделе культуры местной молодежной газеты – в маленькой комнатке, где сидели вчетвером: Женя, Вадим Овсянников, Саша Варламов – заведующий, и я. Комнатка эта была частью бывшей квартиры известного в Одессе доктора Циклиса, чья внучка имела неосторожность выйти за меня замуж, а когда у нас родилась дочь, Женина дочь Анечка оказалась на год старше, и Валя, Женина жена, инструктировала мою, и все это шло дружными ближними параллельными курсами...

2.

Для газеты Голубовский оказался бесценным приобретением. Он знал так много, и это многое знание так причудливо сплеталось в его голове, что множество газетных открытий, интересных «материалов», как это тогда называлось, появлялось на страницах молодежи по прямой идее или косвенной Жениной подсказке.

Если ты едешь мимо старого села, Женя скажет, где нужно остановиться, и вам откроет ворота высокий, совершенно седой человек, он проведет вас в избу, где бревенчатые сте-

ны увешаны «Серебряным веком», и вы будете замороженно ходить от холста к холсту, опознавая Ларионова и Машкова, Гончарову, а хозяин будет сидеть, сгорбясь над плоской югославской машинкой, и двумя пальцами печатать стихи забытого, давно исчезнувшего изящества, и это будет один из Председателей Земного Шара, Григорий Петников. Потом одесская молодежка напечатает эти стихи. И гулким эхом отзовется...

И все шестьдесят лет Голубовский помнил – и занимался возвращением забытых или запретных имен культуры. Так возникали книги. Книги стихов, посвященных Анне Ахматовой, а потом Борису Пастернаку, а там уж и Осипу Мандельштаму. И неведомые или забытые одесситы – Зинаида Шишова, Анатолий Фиолетов, Петр Кроль. Роман Владимира Жаботинского – «Пятеро». Все это – в разные, совсем разные годы. Годы менялись, а Голубовский оставался собой – памятью города, долгом культуры.

3.

Много раз Женя Голубовский рисковал своей мудрой ироничной головой.

Нет, он вовсе не был диссидентом, он был интеллигентом, он, как и мы, жил в мире ликующего невежества, и этим определялось все. Он знал и помнил. А мы были невеждами, но нам были очень интересны причудливые пересечения плоскостей в его знании и понимании. У многих это вызывало отторжение. В мире, где мы жили, не любили больно умных. Опасно – и впрямь больно.

Поначалу в газете он занялся историей Одессы, краеведением, а уж оно включало в себя и литературу, и живопись, и музыку, и все, что входит в историю культуры. Он привлекал к газете людей знающих или желающих знать, людей любящих или готовых любить.

Одной из первых больших его статей, написанной вместе со знаменитым одесским спортсменом Алексеем Ивановым,

была статья об архитектуре Одессы. И называлась она «Одесса должна быть Одессой». Среди больших архитектурных проблем упоминалась там и одна мелкая. Авторы спрашивали: куда подевалась знаменитая литая решетка Воронцовского дворца?

Одесса любила задавать вопросы, на которые ответы знает и сама.

Не было ни одного одессита, который не знал бы, что решетка Воронцовского дворца переместилась на дачу Синицы, специалиста по художественному литью, по совместительству исполнявшего обязанности первого секретаря Одесского обкома партии. Знали авторы. Знал и редактор газеты.

Он рискнул. В ЦК комсомола, куда его призвали к ответу, он молча снес все обидные слова и возразил только раз, когда ему сказали, что он собрал отвратительный редакционный коллектив.

Веселый человек, умница и меломан, столяр, руками изготовивший домашнюю мебель, человек, спокойно чертящий план Парижа, где не был никогда, чтобы объяснить старому парижанину, откуда была снята Эйфелева башня в кинофильме «Набережная туманов», и почему она не могла быть снята больше ниоткуда...

Через несколько лет мы втроем встретились в Москве. Игорь Николаевич Лисаковский тогда работал в ЦК. За обедом он сказал нам с Женей: запомните это имя. И вполголоса произнес его по слогам. «К сожалению, больше рассчитывать не на кого. Это – последняя надежда».

Когда мы узнали о первых шагах Горбачева, мы вспомнили эти три слога. И потом тоже не однажды вспомнили. Игорь оказался во всем прав.

Ему на смену прислали другого редактора с приказом разогнать всю эту «одесскую кодлу». (Приказ формулировался куда экспрессивнее. Это до нас он был доведен в удобоваримой форме.) Новый редактор не выполнил приказ. Проработав несколько месяцев, он сказал: «В каждой газете должен быть свой Голубовский». Подумал и добавил: «Один».

4.

Дважды в «литературных страницах», которые публиковала газета, появлялись стихи поэта с привычной для тогдашней Одессы фамилией.

Потом, через годы, когда наконец в «Библиотеке поэта» все-таки после чудовищных мытарств появился сборник стихов Осипа Эмильевича Мандельштама, в списке первых публикаций возникло:

«Комсомольская искра», Одесса.

Это – Женя.

Знавший, что его собственная судьба, благополучие семьи, само существование газеты, все это стоит, стоит, стоит первой публикации запретных стихов замученного великого поэта. И Надежда Мандельштам в книге вскользь упомянет: «И только какая-то сумасшедшая газета с юга вдруг однажды пришлет гонорар...».

Этот гонорар получит вдова Осипа Эмильевича в комнатке, где стол, стул и тахта, и где каждый входивший знал: за стихи платят жизнью.

Я приглашаю вас подумать. Я прошу вас вспомнить – что вы знаете о тех временах. Я прошу вас понять, какой мерой бесстрашия должен обладать обычный человек, на которого еще в студенческой юности ни за что ни про что обрушилась карающая рука беспощадного государства. Он знал, он на себе испытал силу этого давления. Давление злобного невежества, вооруженного пушками, танками и бомбами...

Литсотрудник молодежной газеты, куда как небогатый человек, не имеющий ни приличного жилья, ни приличного жалованья, ни служебных перспектив – по понятным в Одессе причинам, – как смел он рисковать всей своей – уже приреченной – жизнью, благополучием семьи? И ради чего – ради подборки стихов, существующих лишь в его памяти, и, казалось, нигде больше, стихов арестованных, запретных, как бы и не живых...

Женя Голубовский знал: они стоят того, они вернутся, они должны вернуться. Они должны жить для всех. Ибо принадлежат

к той сфере жизни, в сравнении с которой оказываются предельно малыми величинами ценности будничного человеческого существования.

5.

Евгений Михайлович (на самом деле он был Моисеевичем, но все привыкли к Михайловичу, так что большой привет актрисе Талызиной от бесстрашных и доблестных рыбаков Черноморья!) был человеком двух замечательных и редко сочетаемых качеств.

Он был знатоком, эрудитом, энциклопедистом, любителем и обладателем знания. У Стругацких упоминаются люди, умирающие из-за отсутствия книг. Женя был из этой породы.

И одновременно он был человеком сочувствия, умения понимать и принимать людей. Он знал, что людей знания немного. Но помнил, что в том же мире существуют люди огромного знания.

Да, он враждовал с невежеством.

Но не с неведением.

Он знал своей жизнью, окружающим его миром, огромным количеством замечательных книг, картин, великой музыки и – самое главное – множеством добрых и мудрых людей вокруг, что неведение – излечимо, а невежество – нет.

Неведение излечимо. Учебой, средой, старанием, сочувствием, помощью, вовремя протянутой рукой...

Евгений Голубовский был очень добрым человеком.

Это была дельная, умная доброта. Доброта костра, горевшего для всех, кто нуждается в тепле, доброта помощи и совета...

Человек, думающий иначе, всегда был для него предметом интереса. Не вражды, не ярости – доброго интереса.

6.

Евгений Голубовский не искал единомышленников. Он искал добрых, умных, талантливых, и вот они оказывались, станови-

лись единомышленниками. Становились в большинстве друзьями. Что необязательно.

Талантливые люди бывают и самовлюбленными, и претенциозными. Но большинство из них знало и помнило: их ждут. На них надеются. За поддержкой, за помощью, за пониманием – куда?

Этот адрес в Одессе знали.

Наш мир напоминал предвечернее поле, где то тут, то там вспыхивали огни. Подходи к огню, присмотришься...

И вдруг окажется, что вокруг костра сидят молодые бунтующие одесские художники – очень разные, но веселые, ищущие, талантливые... Женя придумал редакционные выставки. Была в редакции большая комната. С этих выставок начиналась слава Владимира Стрельникова, Александра Ануфриева, Валерия Басанца, Давида Беккера и многих, многих других – всех не назову.

А вот другой – скромный костер, одесские музыканты, а вот – краеведы... Ах, да, а вот люди театра...

Это была огромная работа, состоявшая из множества мелких и важных дел. Собирательство. Людей, идей.

И появляются новые книги, фильмы, картины, художественные направления... Женя радовался успехам, но не упивался ими. И даже не по скромности своей. Он просто был занят. У него было много дел. В том числе и отбиваться от нападок.

Евгений Голубовский занимался Одессой. Какая она есть, какой была и какой будет.

А я тогда сидел в рубке малого буксира на острове Вайгач. Стояночная ночная вахта – читай себе. Я и читал.

Про то, что люди, чье сознание не выносит гладкой поверхности, цветочной клумбы, урны для мусора, вовсе не хулиганят, опрокидывая все это, корябая, исписывая стены лифта похабщиной, изрезывая кожаные поверхности в темноте кинотеатра, сшибая уличные урны...

Они просто приводят окружающий мир в состояние гармонии со своим сознанием, со своей маленькой бедной, злобной в невежестве своей душой.

Северный ветер бился в наглухо задраенные окна, волна ходила по граниту острова. Далеко на юге волны колотились в одесский берег. Ни я, ни Женя не думали тогда, что цунами ненависти и злобы, невежества и дикости дохлестнет и до этого берега.

7.

Вот так мы и жили собственные жизни, отдельные, но выложенные на один виток времени, в одну атмосферу.

Евгений Голубовский был неотделим от Одессы. Сотни, тысячи людей были связаны с ним одним делом – воздухом Одессы, атмосферой творчества и добра.

Он собирал и возвращал память города. Он издавал книги. Он возвращал их из небытия. Он издавал книги старых – забытых, запретных, он издавал книги новых, возникших, юных. Он устраивал выставки. Он был чувством меры, вкусом и деятельной помощью... Я запомнил навсегда: в цветении застоя один из одесских театров поставил спектакль по книге Брежневна. Спектакль, обреченный на успех, на комплименты и премии. И вот – сдача спектакля. Сидят театроведы, критики, журналисты. И посреди унылых комплиментов раздается тихий голос Голубовского:

– Мне кажется, что в спектакле нужен антракт. И есть хорошее место для антракта – между первым рабочим собранием и вторым...

Расходились молча. Все знали, почему нельзя сделать антракт: публики в зале не останется...

8.

И когда Михаил Михайлович Жванецкий придумал Всемирный клуб одесситов (кстати, Михаил Жванецкий на самом деле был Маньевич, дважды привет актрисе Талызиной от бесстрашных и отважных рыбаков Черноморья!), то вице-

президентом клуба и редактором его газеты стал, естественно, Евгений Голубовский. Их было тогда двое, вице-президентов, самый деятельный – Женя, и самый знаменитый – Валерий Хаит. И все эти годы если жили в Одессе хороший вкус и доброта, умение понимать других людей, уважение ко многим поколениям Одессы, интерес к одаренным людям, помощь и поддержка – это было дело немногих. Дело любви и понимания, памяти и уважения.

Я живу в Австралии более тридцати лет, и если я все эти годы продолжал писать, если в Одессе и здесь, в Австралии, продолжали выходить мои книги, если стихи мои читали в Одессе, то обязан этим я немногим уже друзьям.

И первыми среди них назову Евгения Голубовского. Валентину Голубовскую. Анну Голубовскую.

Спасибо вам. Простите меня.

